

Всеволод Сергеевич Соловьев

Счастливый день (Проза)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

**Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ**

Конецъ августа. Ночи все темнѣе и въ бездонной глубинѣ небесной зажигается такая безконечность звѣздъ, что, кажется, нѣкоторымъ изъ нихъ ужъ нѣтъ и мѣста, не за что уцѣпиться — и онѣ срываются, падаютъ, мелькнувъ на мгновеніе, и пропадая въ какомъ-то непонятномъ, заповѣдномъ «нигдѣ». По раннимъ утрамъ уже чувствуется рѣзкій, пронзительный холодокъ и туманы поднимаются на лугахъ и въ лѣсныхъ оврагахъ...

Но дни стоятъ тихіе, теплые, безоблачные. Такихъ чудныхъ дней не было за все лѣто. Воздухъ необычайно прозраченъ и въ немъ уже чутся теплый, бальзамическій запахъ, особенно какъ-то дѣйствующій на душу — запахъ осени...

Юрій Михайловичъ вышелъ на прогулку послѣ одинокаго завтрака, сервированнаго на терасѣ его пустого, всегда тихаго, даже какъ бы нѣсколько таинственнаго дома. Онъ прошелъ весь лѣсъ, вышелъ въ поле, спустился къ рѣкѣ и незамѣтно сталъ приближаться къ густой зелени старыхъ дубовъ, чернѣвшихъ вдали, за рѣчнымъ извивомъ, на ярко голубо-

мъ, прозрачномъ фонѣ, неба.

Юрій Михайловичъ — красивый и видный человекъ лѣтъ сорока съ чѣмъ-нибудь. Онъ бодръ и свѣжъ и ровно ничего въ немъ не указываетъ на то, что онъ уже спускается подъ гору жизненной дороги. Въ его довольно еще густыхъ, красиво подстриженныхъ волосахъ и длинной превосходной бородѣ, только кой гдѣ, да и то едва замѣтно, серебрится сѣдина. Нѣсколько морщинокъ вокругъ темныхъ глазъ нисколько не портятъ его пріятнаго, загорѣвшаго за лѣто лица, а напротивъ — придаютъ ему опредѣленное, законченное выраженіе. Красивый, обдуманый лѣтній костюмъ, да и всѣ, вообще, манеры ясно показываютъ, что Юрій Михайловичъ во все не деревенскій старожилъ, а человекъ городской, столичный или даже, пожалуй «заграничный».

Оно такъ и есть. Юрій Михайловичъ всю жизнь прожилъ, уѣзжая изъ Петербурга за границу, и пріѣзжая изъ-за границы въ Петербургъ. Прекрасно воспитанный, съ характеромъ добродушнымъ и веселымъ, съ умѣніемъ легко и свободно относиться къ лю-

дямъ и нравиться почти всѣмъ, — онъ очень пріятно провелъ свою молодость и бодро вступилъ въ зрѣлый возрастъ. Съ удовольствіемъ для себя и для другихъ, къ сорока годамъ, онъ постепенно уничтожалъ значительное родовое состояніе; но сдѣлалъ это не по легкомыслію, ибо зналъ, что очень старый и бездѣтный дядя его долженъ непременно умереть и оставить ему отличныя средства, которыхъ за глаза хватить на самую долгую жизнь. Отъ мысли о бракѣ онъ ужь очень давно и рѣшительно отказался, убѣдясь, что семейная жизнь приноситъ несравненно болѣе заботъ и горя, чѣмъ радостей.

Все шло отлично. И здоровье не измѣняло, и дядя умеръ какъ разъ во время. А между тѣмъ вотъ ужь второй годъ какъ Юрій Михайловичъ почему-то началъ скучать. Сначала изрѣдка, а потомъ все чаще. Онъ не отдавалъ еще себѣ отчета въ этой скукѣ; но она заставляла его переѣзжать съ мѣста на мѣсто и все искать чего-то и не находить.

Эта скука загнала его, вмѣсто какого-нибудь заграничнаго курорта, въ тамбовскую

деревню, загнала, да вдругъ и притихла, будто устала. Третій ужъ мѣсяцъ жилъ Юрій Михайловичъ въ деревнѣ, а уѣзжать еще не думалъ. И, странное дѣло, его деревенская жизнь, казалось бы только и могла что нагнать скуку, а ужъ никакъ не усыпить ее. Юрій Михайловичъ ровно ни съ кѣмъ не видался и цѣлые дня проводилъ или на прогулкахъ пѣшкомъ и верхомъ, или въ прадѣдовской библіотекѣ, за разборкой старыхъ, въ «телячью кожу» переплетенныхъ книгъ.

Единственнымъ его развлеченіемъ была борьба съ сосѣдкой, вдовой генерала Трейера, Вѣрой Павловной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще при жизни генерала, Юрій Михайловичъ бывалъ у нихъ въ домѣ; но это лѣто, именно вслѣдствіе постоянной борьбы, непріятностей, они, живя, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, почти не видались. Земли Вѣры Павловны были смежны съ его землями, управляющій Вѣры Павловны былъ смертельнымъ врагомъ его управляющаго, — а потому почти ежедневно сосѣдскій скотъ забирался въ хлѣба, а его скотъ оказывался въ хлѣбахъ

Вѣры Павловны. То же самое случилось и съ домашней птицей. Взаимная порча, потрава и вообще всевозможныя «протори и убытки» начинали принимать чудовищныя размѣры. Сосѣдскій скоть и птица загонялась и задерживалась впредь до выкупа.

Во время утренняго чая являлся управляющій и докладывалъ:

— Воля ваша, Юрій Михайловичъ, такъ совсѣмъ невозможно; какъ есть весь нашъ скотный дворъ будетъ перепорченъ... Опять генеральша шесть нашихъ коровъ сманила и загнала.

— Что жъ, она такъ сама ихъ и сманивала? вы видѣли?

Управляющій ничуть не смущается тономъ этого вопроса и продолжаетъ:

— Извѣстно сманиваетъ... троихъ пастуховъ перемѣнили... теперешній Акимъ, всякаго спросите, мужикъ степенный, а и онъ не доглядѣлъ... сманила таки...

— Ну да и у насъ загнаны со вчерашняго вечера ея четыре коровы... двѣ ея лучшихъ, тирольскихъ! — вдругъ прибавляетъ управляющій.

Юрій Михайловичъ смѣется.

— Такъ этихъ значитъ я заманилъ?

Управляющій обижается.

— Вамъ вотъ смѣшно, Юрій Михайловичъ, а какъ скотный нашъ дворъ она портитъ, такъ вѣдь — вы же на меня въ обидѣ будете!.. Нѣтъ, воля ваша, а такъ больше нельзя... разрѣшите... я завтра въ городъ уѣду и подамъ жалобу мировому. Ужь будьте покойны... я дѣло выиграю, а она большой штрафъ заплатитъ и всѣ убытки... Наше дѣло правое.

Но Юрій Михайловичъ жаловаться мировому, сколько ни упрашивалъ управляющій, не позволялъ. Однако, всѣ эти ежедневные разговоры и исторіи въ концѣ концовъ сдѣлали свое дѣло. Смертельная борьба двухъ управляющихъ отразилась таки на Юріи Михайловичѣ и Вѣрѣ Павловнѣ; они перестали видаться и въ послѣдній разъ встрѣтились у опушки парка, очень сухо раскланялись и разошлись въ разныя стороны.

Наконецъ, сегодня, въ этотъ чудный августовскій день, управляющій явился передъ Юріемъ Михайловичемъ, совсѣмъ багровый, трясясь какъ въ лихорадкѣ, и долго не

могъ произнести слова.

— Что съ вами? что такое случилось? — да-же встревожился Юрій Михайловичъ.

— А то-съ... а то-съ, что вотъ вы не позволяли къ мировому, а они насъ упредили — и на насъ жалоба... Вотъ-съ до чего дошло!..

— Да полно-те... какая тутъ жалоба? кто это вамъ сказалъ?..

Но управляющій, съ отчаяннымъ и въ то же время торжественнымъ жестомъ подалъ повѣстку, Юрій Михайловичъ пробѣжалъ ее глазами.

— Такъ это васъ вызываютъ, а не меня, и по жалобѣ управляющаго госпожи Тренеръ, а не ея самой...

— Это все одно-съ, все одно-съ, — трясся и задыхался управляющій, — дайте срокъ — она и васъ самолично притянетъ-съ... къ тому идетъ...

«Однако, хоть и пустяки, а все же неприятно, да и, наконецъ, надоѣдать начинаеть... И чего это она придирается»... думалъ Юрій Михайловичъ, совсѣмъ уже приближаясь къ дубамъ, за которыми начинался небольшой, но густой и тѣнистый паркъ

Вѣры Павловны. Онъ подошелъ къ дубу-великану, подѣ вѣтвями котораго любилъ отдыхать, любуясь зеленой равниной и широкой далью, и уже хотѣлъ было опуститься на траву, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него послышалось ворчаніе, а затѣмъ хотъ и не особенно внушительный, но сильно враждебный лай. Темносѣрый съ черной полосой на спинѣ мопсикъ кинулся къ нему, подпрыгивая и ныряя въ травѣ, остановился передъ нимъ какъ вкопанный, поднялъ круглую, обрюзглую, съ приплюснутымъ носомъ мордочку, устремилъ на него большіе, черные и круглые глаза — и глухо зарычалъ, выжидая и обдумывая положеніе.

— Здравствуйте, Юрій Михайловичъ! — раздался пріятный женскій голосъ.

Вѣра Павловна едва улыбалась кончиками губъ, еще не рѣшаясь — протянуть или не протянуть ему руку. Она вышла изъ тѣни и солнце сразу освѣтило всю ея полную красиво сложенную фигуру, ея свѣжій, изящный нарядъ, ея густую бѣлокурую, круто свернутую, выглядывавшую изъ-подъ соломенной шляпы, косу, ея молоджавое розовое лицо съ боль-

шими сѣрыми глазами, маленькимъ хорошенъкимъ носикомъ и нѣсколько насмѣшливымъ, особенно теперь, но положительно красивымъ, ртомъ.

Юрій Михайловичъ взглянулъ на нее, прежде всего залюбовался ею и быстрая, быстрая мысль промелькнула въ головѣ его и затѣмъ какъ-то странно и неожиданно упала прямо въ сердце: «какая прелестная женщина!».. ей должно быть тридцать пять... никакъ не меньше... но развѣ это не все равно, когда она но старѣе двадцати пяти — такъ свѣжа, мила и красива!..

Между тѣмъ Вѣра Павловна уже рѣшилась и протянула ему руку. Это пожатіе доставило ему почему-то особенное удовольствіе, какого онъ давно не испытывалъ.

— Я очень радъ, Вѣра Павловна, что встрѣтился съ вами... Мнѣ надо съ вами поговорить, — объявилъ онъ продолжая любоваться ею.

А въ головѣ и сердцѣ звучало: «отчего она никогда не была такъ хороша, какъ сегодня?»

— И мнѣ тоже надо поговорить съ вами, а потому сядемъ на траву, вы на своей

земль — вѣдь это межа — я на своей, — и будемъ бесѣдовать.

Она прелестнымъ движеніемъ, несмотря на свою полноту, опустилась въ густую и мягкую траву. Юрій Михайловичъ послѣдовалъ ея примѣру, снялъ шляпу и всей грудью вдохнулъ въ себя легкой вѣтерокъ, потянувшій отъ рѣки. Мопсикъ подвернулся къ самому платью своей хозяйки, пересталъ рычать, громко и протяжно. даже съ визгомъ зѣвнулъ и началъ укладываться.

— Вѣра Павловна, о чемъ же это вы хотѣли поговорить со мною?

— А вы о чемъ, Юрій Михайловичъ?

— Именно о томъ-же, вѣроятно, о чемъ и вы... о нашей сосѣдской враждѣ, которая все усиливается... Право, если мы съ вами не примемъ рѣшительныхъ мѣръ, то, или вашъ управляющій совсѣмъ съѣстъ моего, или мой вашего, а въ убыткѣ и въ отвѣтѣ будемъ мы съ вами...

О, какъ она мило взглянула, какіе у нея глубокіе, добрые, заманчивые глазки. Отчего она никогда ни разу еще не была такой?!

— Вы правы, — сказала она, — и что же, по

вашему, надо дѣлать, чтобы избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей?

— Надо прежде всего быть строже съ управляющими и рѣшительно обуздать ихъ предприимчивость...

— Покажите мнѣ примѣръ...

— Я и показываю. Только благодаря моему строгому запрещенію у васъ до сихъ поръ не было дѣла въ мировомъ судѣ... Между тѣмъ вашъ управляющій уже подалъ жалобу и очень вѣроятно, что мнѣ предстоитъ быть вызваннымъ по меньшей мѣрѣ въ качествѣ свидѣтеля...

— Богъ съ вами! откуда вы это взяли? Я разъ навсегда объявила Петрову, что не желаю никакихъ мировыхъ и чтобы этого никогда не было...

— Однако, я сейчасъ своими глазами видѣлъ повѣстку.

Вѣра Павловна разсердилась, вспыхнула и стала еще милѣе.

— Ну что мнѣ дѣлать съ этимъ невозможнымъ Петровымъ?! — воскликнула она съ самой искренней печалью. — Онъ меня ни въ чемъ не слушается, иногда позволяетъ себѣ

такой тонъ... и увѣряетъ меня во первыхъ въ томъ, что я ровно ничего, какъ есть ничего не смыслю и никогда не буду смыслить въ хозяйствѣ, и, во вторыхъ, въ томъ, что вы, понимаете, вы сами, лично, только и дѣлаете все лѣто, что сманиваете моихъ коровъ и чѣмъ-то окормили мою любимую тирольку... А теперь вотъ и мировой, несмотря на мое формальное запрещеніе!.. Юрій Михайловичъ, милый, помогите мнѣ... посоветуйте...

«Милый» — съ этимъ словомъ много разъ обращались къ нему хорошенькія женщины. Это слово могло напомнить ему много блаженныхъ мгновеній. Но никогда еще, даже въ лучшее время юности, не наполняло оно его такимъ тепломъ и свѣтомъ. Онъ вдругъ понялъ что давно ужъ скучаетъ, что скука его непременно будетъ все расти и расти, если онъ теперь же не убьетъ ее, не уничтожитъ, не вырветъ съ корнемъ.

Онъ отвернулся отъ широкой, залитой солнцемъ, знакомой равнины, гдѣ терялся его взглядъ, прилегъ на травъ, подперъ рукою голову и пристально, не отрываясь, сталъ глядѣть въ глаза Вѣрѣ Павловнѣ. Ему пока-

залось, что въ этихъ глазахъ можно все увидѣть, всѣ ея мысли, ея чувства... Сердце его странно замерло, почти остановилось. Во рту пересохло, такъ что трудно было говорить, но онъ — все же заговорилъ, не спуская глазъ съ Вѣры Павловны:

— Вы просите моего совѣта... Положеніе трудное... Вашъ Петровъ плутъ и обманываетъ васъ жестоко — я это знаю и берусь доказать вамъ. Хорошаго управляющаго найти трудно... Сами вы дѣйствительно ничего не знаете въ хозяйствѣ... При этомъ, съ двумя такими имѣніями какъ наши, гдѣ всѣ межидуперепутаны, гдѣ моя земля то и дѣло съ трехъ сторонъ врѣзается въ вашу, а ваша — въ мою — всегда будутъ происходить непріятности... Наши два имѣнія должны составить одно, — и тогда хозяйство пойдетъ прекрасно...

И они не отрываясь глядѣли въ глаза другъ другу. Вѣра Павловна вспыхнула. Грудь ея порывисто дышала.

— Такъ что же? — какъ-то неувѣренно, почти задыхаясь прошептала она, — вы хотите предложить мнѣ... купить мое имѣніе... или

продать мнѣ ваше?..

Онъ вдругъ опустилъ глаза и проговорилъ быстро, не переводя духа:

— Нѣтъ, я хочу предложить вамъ соединить наши имѣнія другимъ способомъ — за меня замужъ...

Краска сбѣжала съ ея щекъ.

Нѣсколько мгновений продолжалось молчаніе. Далеко гдѣ-то прокричалъ журавль. Мопсикъ всталъ на ноги и потянулся зѣвая. Наконецъ, она подняла глаза и встрѣтилась снова съ его блестящимъ, ожидающимъ взглядомъ.

— Для округленія имѣнія и удобства? — едва слышно произнесла она.

Улыбка озарила все лицо его и быстрымъ движеніемъ онъ протянулъ къ ней руки. Мопсикъ зарычалъ, косясь на него однимъ глазомъ.

Ясная улыбка разлилась и по лицу Вѣры Павловны.

— Я такъ беззащитна, что поневолѣ должна на все согласиться, — сказала она, отвѣчая ему крѣпкимъ пожатіемъ. Онъ склонился къ ней и покрывалъ долгими поцѣлуями ея

бѣлыя, нѣжныя руки.

Мопсикъ все косился, и вдругъ заметался на мѣстѣ и отчаянно залаялъ.

1917